

Слово о Высоцком

Вышка. - Баку. - 1990. - 25 июля

День 25 июля 1980 года разделил жизнь на две неравные части — до и после него. И сегодня, отдавая дань памяти большого поэта и гражданина, мы публикуем одно из последних его стихотворений и прощальное слово о Высоцком Булата Окуджавы. Их любовь была взаимной. Владимир говорил, что Окуджавя, подняв уличную песню до вершин поэзии, в сущности указал ему путь. Путь в бессмертие.

Жил талантливый человек, всем известный. Песни его ворвались в наш слух, в наши души, а говорить и писать о нем было нельзя. Его не печатали, не издавали. Кого-то очень пугала острая социальная направленность его стихов, кого-то раздражала его популярность. Трудно сказать, что испытывал человек, знавший себе цену и не имевший возможности увидеть свои стихи опубликованными.

Смерть легализовала его. Смерть и новые обстоятельства нашей жизни. Эта смерть была столь внезапной и неправдоподобной, что потрясла общество. Стало уже невозможно отмахнуться, и тут начался разговор, попытка анализа. Началось то, на что поэт имеет право, без него невозможно развитие литературы, культуры вообще.

Началось, естественно, с коротких прощальных плачей его друзей, а затем все превратилось в сокрушительный поток, в целую систему потоков, разнополюсных, взаимоисключающих, от неприятия до словословия, с озлобленностью на одном конце и с кликушескими восторгами — на другом. В общем, все закономерно и даже, пожалуй, благо —

столкновение мнений, разные точки зрения, но в разговоре о поэте крайности всегда не к добру. Не должно быть ни обожествления, ни хулы — тем более, что обожествляют в основном либо восторженные невежды, либо сознательные спекулянты. А хулители? Как ни печально, это чаще всего стихотворцы, братья по цеху, не стяжавшие поэтических лавров, страдающие комплексом неполноценности, или же критики, отчаянно привлекающие к себе литературное внимание.

А что же было? Был поэт, был голос, была гитара, было печальное время. Всякий мало-мальски думающий человек, мало-мальски чувствующая натура создавала эту печаль, ощущала упадок, нравственные потери.

Он начинал с примитива, с однозначности, постепенно обогащая свое поэтическое и гражданское видение, дошел до высоких литературных образцов; он постоянно учился у жизни, у литературы, что происходит с любым поэтом, независимо от степени его одаренности. Он начал писать для узкого круга друзей, а пришел к самой широкой аудитории, пришел к предельному выражению себя, а выражать себя —

значит добиваться наивысшего наслаждения.

Конечно, гитара только обостряет эмоции, актерское мастерство всего лишь проявляет, усугубляет суть, но в целом — стихи, гитара, интонация — это жанр, в котором он совершенствовался изо дня в день.

С годами он стал профессиональнее, исчезла юношеская словоохотливость, когда достаточно мелкого повода, чтобы родились стихи. Все стало подлинным — и страдание, и ненависть, и любовь. Стих стал плотным, метафоричным.

Что же нам теперь, размышляя о поэте, углубляясь в его несовершенство, слабости и просчеты? Мы ведь хорошо знаем, что хотя таланты и бездарности бывают сходны в неудачах, зато только таланты всегда сопутствуют удача, а бездарности — никогда. Так будем судить о Высоцком по удачам и достижениям, по тому, что очаровало нас в шестидесятых и продолжает с нарастанием волновать и сегодня.

Булат ОКУДЖАВА.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

«Я НИКОГДА НЕ ВЕРИЛ
В МИРАЖИ...»

Я никогда не верил
в миражи,
В грядущий рай
не ладил чемодана.
Учителей сожрало море лжи
И выбросило
возле Магадана.

Но свисаю
глаз на невежд,
От них я отличался
очень мало.
Занозы не оставил
Будапешту,
А Прага сердце мне
не разорвала.
А мы шумели в жизни
и на сцене:
— Мы путаники,
мальчики пока!
Но скоро нас заметят
и оценят.
Эй! Против кто!
Намнем ему бока!

Но мы умели
чувствовать опасность
Задолго до начала холодов,
С бесстыдством шлюхи
приходила ясность
И души запырала на засов.
И нас хотя
расстрели не косили,
Но жили мы,
поднять не смея глаз.
Мы тоже дети
страшных лет России —
Безвременье вливалось
водку в нас.

(Конец 1970-х гг.).